

удовлетворения их религиозных потребностей. Посещение военнопленными церкви могло носить лишь добровольный характер. Начальник рабочей команды с согласия коменданта стационарного лагеря по вопросу церковных богослужений для военнопленных должен был договориться с местными или близлежащими церковными учреждениями. Посещение следовало организовывать во вне рабочее время, оно не должно было совпадать с посещением церкви гражданским населением. Решение о выделении духовных проповедников из числа военнопленных принимал комендант лагеря. Охрану во время богослужений следовало организовать таким образом, чтобы исключить малейшую возможность для побега военнопленных [10, лл. 100-101].

Возможно, первоначально немцы могли допустить в лагерь духовных лиц для проведения опеки над пленными. В советских источниках и историографии таких сведений не имеется. Зарубежная историография отмечает отдельные факты помощи со стороны ксеназов военнопленным – как духовной, так и материальной.

Обращает на себя внимание факт снижения интенсивности «законотворческой» деятельности высших органов власти в отношении религии в 1943–1944 годах. Очевидно, немцы не считали нужным разработку каких-то особых законодательных актов в отношении религии и церкви. Выполнение изданных ранее было достаточно для реализации поставленных целей. Да и положение на советско-германском фронте складывалось не в пользу немцев. А это было важнее, чем религиозные проблемы.

1. Государственный архив Гродненской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18.
2. Государственный архив Минской области. Ф. 623. Оп. 1. Д. 174.
3. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 370. Оп. 6. Д. 5.
4. Там же. Д. 47.
5. Там же. Ф. 379. Оп. 2. Д. 45.
6. Там же. Ф. 391. Оп. 1. Д. 24.
7. Там же. Ф. 510. Оп. 1. Д. 13.
8. Там же. Д. 52.
9. Там же. Д. 112.
10. Там же. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 914.
11. Национальный архив Республики Беларусь. Микрофильм. Арх. № 236.
12. Там же. Арх. № 247.
13. Hitler Adolf. Mein Kampf. (Moja Walka). (tl. z ncm. Irena Puchalska, Piotr Marszałek). – Krośno; Skripta Manent, 1992. – 284 s.
14. Krausnick Helmut. Hitlers Einsatz – grupper. Die Truppe des Weltansauungs-nieges 1938-1942. – Frankfurtmeim: geszichte Fischer, 1985. – 400 s.

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1942 – НАЧАЛЕ 1944 ГГ.

В.А. Белозорович

г. Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы

Исходя из рекомендаций Научно-исследовательского института земледелия и продовольственного хозяйства Европы, министерство по делам оккупированных территорий подготовило проект аграрной реформы. 15 февраля 1942 г. был принят декрет Альфреда Розенберга «Новый порядок землепользования». Его цель состояла в том, чтобы заинтересовать крестьянство в развитии сельскохозяйственного производства для обеспечения немецкой армии продовольствием. Предусматривалось реформировать колхозы в общинные хозяйства, совхозы – в государственные хозяйства (земские дворы), а МТС – в сельскохозяйственные базы.

Согласно декрета отменялся Примерный устав сельхозартели, а земля разделялась на приусадебную и общинную. Приусадебный участок считался собственностью двора (от 0,25 до 1 га), а общинная земля распределялась по шнуровому принципу ме-

жду крестьянскими хозяйствами. Её размер зависел от количества трудоспособных членов семьи и размера сельхозугодий до войны [1, с.67]. В деревне устанавливалась круговая порука при выполнении поставок и выплате налогов, коллективная ответственность за выполнение распоряжений захватчиков [2]. По истечении 7 дней после опубликования декрета крестьяне каждой деревни обязаны были провести общее собрание по организации новой формы хозяйствования, на котором выбиралось правление в составе старшего, его заместителя и бухгалтера. В марте 1942 г. при Главном земельном управлении хозяйственной инспекции средней зоны был сформирован Особый штаб аграрного порядка, а в каждую волость направлен агроном [3]. На 1-ое июня 1942 г. в Минском, Слуцком, Борисовском гебитах насчитывалось 5300 общинных хозяйств, объединивших 122 тыс. крестьянских дворов [1, с.69].

На втором этапе планировалось превратить общинные хозяйства в «кооперативы» или «Товарищества по совместной обработке земли». В них предусматривалось единое землепользование, где каждый крестьянский двор или семья должны были нести ответственность по уходу за посевами на определенном участке земли и за сбор урожая. А община отвечала за вспашку и обработку земли, посев, сдачу всех поставок и налогов.

Переход к единоличному землепользованию мог быть осуществлён только с разрешения сельскохозяйственного отдела Главного земельного управления. Допускалось хуторское землепользование, получившее распространение в Белостокской области. Там захватчики создали крупную продовольственную базу, которой воспользовались в период отступления [4, л.5].

Зависимость общинного хозяйства от оккупационных властей проявлялась в обязательных поставках, регламентации производства, ограничениях в приёме определенных категорий лиц. В частности, запрещалось принимать в общинное хозяйство членов ВКП(б), сторонников партизан, пьяниц [3].

В августе 1942 г. на совещании с рейхсминистрами оккупированных территорий Геринг объявил о новых нормах обязательных поставок. Они составили 100 кг зерна, 200 кг картофеля, 20 кг мяса с одного га пашни. Например, крестьяне 56 деревень Жабчицкого района должны были предоставить 913,9 ц ржи, 13,7 ц конопляного семени, 25,8 ц льноволокна, 15,8 ц сена [5, л.2]. Кроме этого жители деревни уплачивали единый, натуральный, сельскохозяйственный, военный, земельный и др. налоги. По сравнению с высокими ценами на приобретенные машины и земледельческий инвентарь закупочные цены были низкими. За 100 кг ржи давали 2,5 оккупационных марки, тогда как 1 кг хлеба на рынке стоил 10 марок. Для поощрения поставок устанавливались премии: за 200 литров молока – 2 кг соли, за 60 яиц – 3 коробки спичек [6, с.11]. Фашисты присваивали огромную «шлязовую прибыль» - разницу между низкими заготовительными, закупочными ценами и рыночными ценами в Германии. Рейхскомиссар "Остланда" Лозе доказывал Розенбергу, что цены на сельхозпродукцию в оккупированных районах составляют 51-60% от немецких [7, с.144]. Крестьяне подвергались эксплуатации, хотя внешне сохранялись признаки рыночных отношений, а не всеобщего грабежа, существовавшего в зоне армейского командования. Доверенный командующего вермахтом сообщил о ценах в Минске в 1942 г.: один кусок туалетного мыла стоил 10 немецких марок, пара туфель – 35, двадцать штук папирос – 4, полбулки хлеба – 6. Однако на рынке деньги не имели ценности – средством обмена являлся пуд зерна [8, с.131-132].

Крестьяне выполняли выполнение плановых заданий. Согласно отчета генерального комиссара в Минске план закупок в 1942 г. выполнялся следующим образом: зерно – 81,5%, сено – 83,9%, картофель – 62,2%, мясо – 40,5% [9, с.151-152]. Гауляйтер В.Кубе отмечал в докладе на совещании окружных комиссаров и начальников главных отделов, что «налоги собираются на 95% даже в тех районах, в которых отмечается засилье партизан. Налоги вносятся, это первое доказательство, что население к нам неплохо относится. Мы собрали 50, 60, 70% зерновых, картофеля и др. продуктов» [10]. Стоит отметить, что крестьянство привозило свою продукцию на скучные пункты под страхом и постоянной угрозой насилия со стороны немецко-фашистских захватчиков, а также из-за нежелания вмешиваться в вооруженную борьбу.

Перелом в ситуации наступил с началом карательных операций, с конца 1942 г. Проводя их, немецко-фашистские оккупанты руководствовались указанием Геринга от 26 октября 1942 г., который распорядился, чтобы в ходе акций против партизан вывозились не только скот, продовольствие, но и всё трудоспособное население. Требовалось «не принимать во внимание, пострадает ли от этого сельскохозяйственное производство или другая деятельность в этих регионах...» [8, с.146].

Под видом борьбы с партизанами гитлеровские захватчики осуществили на территории республики более 140 карательных операций [11, с.91]. Руководство Германии разрабатывало проект эвакуации партизанских зон. Планировалось вывезти мужчин в рейх и развести на этих территориях посевы кок-сагыза [9, с.152].

До августа 1943 г. убийства и депортации привели к тому, что даже в западном регионе Беларуси 240 тыс. га земли не было обработано, а 10-15% крестьянских семей потеряли последнюю корову [9, с.152]. Политические последствия этих акций приняли угрожающий для немецких властей характер. Они перечеркнули надежды сельских жителей на нормальное ведение хозяйства. Об этом свидетельствуют донесения уполномоченных по сельскому хозяйству. В частности, районный уполномоченный в Радошковичах Шмитц в письме вилейскому окружному комиссару указывал, что после карательных действий батальона Дирлевангера по набору рабочей силы в деревнях практически не осталось трудоспособных мужчин и тягловой силы, что не позволяло провести 100% уборку урожая [12, с.99]. До конца мая 1943 г. в генеральном округе «Беларусь» фашисты недобрали 37,8% картофеля, 59,5% мяса, 61,5% жира [1, л.86].

К тому же на позицию крестьян оказали влияние такие факторы, как поражение фашистов на Восточном фронте, активизация партизанской борьбы, польское национальное движение, страх перед утратой имущества. В этой ситуации оккупационные власти 3 мая 1943 г. принимают Декларацию министерства по делам оккупированных территорий «О частной собственности», распоряжение «О неограниченном праве владения скотом», а затем директиву «О введении крестьянской земельной собственности» [13, с.30]. Параллельно в соответствии с распоряжением А.Розенберга от 18 февраля 1943 г. лицам, сотрудничавшим с немецко-фашистскими захватчиками, навечно были предоставлены земельные участки от 15 до 20 га. Правда их нельзя было продавать и закладывать [13, с.30]. Вместе с тем были увеличены нормы поставок мяса. По сведениям слонимского окружного комиссара, поголовье скота за первую половину 1944 г. сократилось на 50% по сравнению с 1942 г., от стада свиней и овец осталось 10%, а птица была уничтожена почти полностью. На совещании с управленцами отдела сельского хозяйства Вилейского уезда в октябре 1943 г. гауптштурмфюрер Вилке отмечал, что заготовительные мероприятия не выполняются из-за слишком больших дневных заданий (до 8 км в день) и нежелания населения [7, с.276-277].

Начавшиеся в 1944 г. широкомасштабные операции Красной Армии на советско-германском фронте усилили налоговое давление на крестьян со стороны немецко-фашистских оккупантов. Размеры поставок стали устанавливаться произвольно. Как свидетельствует в докладной записке секретарь Белостокского подпольного обкома КП(б)Б В.Е.Самутин, «хозяйство (Сокулковский район) в 10 га должно поставить: ржи — 26 ц, овса — 7 ц... В марте оккупационные власти заставили крестьян произвести обмолот зерна с целью его конфискации, включая даже посевной материал. А в районах, прилегающих к генеральному округу «Беларусь», приказом запретили проводить посев яровых. При его нарушении крестьянина изгоняли или расстреливали, ликвидировав хозяйство (Скидель, Волковыск)». Помимо этого сельских жителей силой выгоняли на вырубку леса [12, с.163].

С начала 1944 г. фашисты приступили к практической реализации проекта «оборонительных деревень». Как правило, в подобных населённых пунктах выселяли «неблагонадёжных лиц», туда переселяли пособников оккупантов (полицейских из Витебской и Могилёвской областей), создавали в них хутора и отруба. Оборонительные деревни были созданы в районе Марьиной Горки, Осиповичей, Борисова, Лепеля, Бобруйска, Слонима, Новогрудка, Анды, Пинска, Барановичей.

Позиция белорусских коллаборационистов в аграрном вопросе соответствовала политике, проводимой немецко-фашистскими захватчиками. Белорусская народная самопо-

мощь пыталась оказать помощь потерпевшим от военных действий. Ее представители собирали у населения деньги, материальные ценности, продукты питания, обувь и т.п. С декабря 1943 г. данная организация попадает под контроль Белорусской Центральной рады (БЦР), где имелся сельскохозяйственный отдел (руководитель – П.И.Орса). В Декларации БЦР, опубликованной в Минске в январе 1944 г., провозглашались: «а) полная ликвидация помещичьей и колхозной систем и передача земли в руки трудового крестьянства на правах индивидуальной собственности; б) создание в стране хуторской системы хозяйства, которая более всего соответствует жизни белорусского народа» [14, с.113-114].

Крестьянство решительно отвернулось от оккупантов и стало на путь более тесной поддержки партизанского движения. Даже немецкие источники отмечали, что в настроениях населения преобладает глубокое разочарование, так как люди утратили веру в будущее. Они постоянно сравнивали оккупационный режим с советским периодом, что было явно не в пользу фашистов.

1. Факторович А.А. Крах аграрной политики немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. – Минск: Наука и техника, 1979. – 152 с.
2. Новый порядок землепользования // Сельскохозяйственный листок. – 1942. – 5 апр.
3. Сельскохозяйственный листок. – 1942. – 4 апр.
4. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 4, оп. 29, д. 33.
5. ГАБО, ф. 736, оп. 1, д. 33.
6. Генералов В.Я. Участие комсомольцев Белоруссии в восстановлении и развитии сельского хозяйства в годы 4-ой пятилетки (1946–1950 гг.). – Мн.: «Вышэйшая школа», 1975. – 152 с.
7. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР /1941 - 1944 гг./ /Под ред. Е.А.Болтина, Г.А.Белова. – М.: Госполитиздат, 1963. – 324 с.
8. Ленхара Х. "Жизненное пространство на Востоке". Немцы в Белоруссии в 1941 - 1944 // Немцы. – 1993. - № 5. - С. 119-160.
9. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. – Мн.: Беларусь, 1993. – 236 с.
10. Вильгельм Кубе и нацистская оккупационная политика в Белоруссии. 1941 - 1943 г. // Веснік БДУ. – Серыя 3. – 1994. - № 1. - С. 72.
11. Раманюк В.П., Хаўрас Г.П. Акупацыйны режим // ЭБ. – Мн.: БелЭн, 1994. – Т.1. – С.88–91.
12. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941 – 1944. – Мн.: Беларусь, 1965. – 2-е изд. – 464 с.
13. Олехнович Г.И. Экономика Белоруссии в условиях Великой Отечественной войны /1941 - 1945/. – Минск: Изд-во БГУ, 1982. – 174 с.
14. Соловьёв А.К. Белорусская Центральная рада: создание, деятельность, крах. – Мн.: Наука и техника, 1995. – 176 с.

УКРАИНСКОЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ФАШИСТСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ В ГОДЫ ВОЙНЫ: ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Ю.В.Черняк

г. Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы

Вторая мировая война расколола украинский народ: часть украинцев в составе Красной Армии сражалась с фашистами, часть сотрудничала с оккупантами, часть боролась сразу на двух фронтах – против нацистского режима и против советской власти. Эта последняя часть и есть представители украинского националистического движения.

Вопрос о взаимоотношении украинских националистов с германской армией и германской оккупационной администрацией всегда был и остается очень острым. Украинское националистическое движение приобрело организованные формы в то время, когда над Восточной Европой нависла угроза нацизма. Стремясь использовать